

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Дмитрий Абрамов

**ТОВАРИЩ
БРЕЖНЕВ**

«Большое Домино»

**МОСКВА
2022**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А16

Иллюстрация на переплете *В. Платонова*

Абрамов, Дмитрий Владимирович.

А16 Товарищ Брежнев. «Большое Домино» / Дмитрий Абрамов. — Москва : Эксмо : Яуза, 2022. — 448 с. — (Военно-историческая фантастика).

ISBN 978-5-04-164752-0

Четвертая книга цикла «Товарищ Брежнев».

Весна 1943 года. Всего за несколько зимних месяцев разгромлены группы немецких армий «Юг» и «Север» — и всегда на острие главного удара шла Гвардейская танковая бригада под командованием Леонида Брежнева. Но успехи Красной Армии не дают покоя нашим «западным партнерам» — Англия и Турция выступают на стороне изрядно побитой Германии. На фронт целыми дивизиями гонят французов, бельгийцев, голландцев, датчан и прочих европейцев.

Однако войска Советского Союза уже не остановить — почувствовав вкус победы, наши солдаты рвут в клочья насупленный против них «западный интернационал». После капитуляции Швеции Ставка ВГК поручает генерал-лейтенанту Брежневу готовить операцию по захвату Стамбула.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164752-0

© Абрамов Д.В., 2022
© ООО «Издательство «Яуза», 2022
© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

От автора

Данное повествование является плодом фантазии автора, но большинство персонажей, естественно, имеют своих прототипов. Характеристики и действия персонажей, похожих на исторических деятелей описываемой эпохи, обоснованы сугубо личными знаниями автора и его личным мнением об этих персонажах. Хотя это мнение и сформировалось в результате, надеюсь, более-менее объективного изучения вопроса. Неполиткорректные действия и высказывания персонажей обусловлены их ролью в повествовании, и автор не всегда относится положительно к таким действиям и высказываниям.

Если некоторые характеристики и действия персонажей книги читателю покажутся спорными или неприемлемыми, то автор может посоветовать такому читателю ознакомиться с трудами историка и ветерана разведслужб Арсена Бениковича Мартиросяна, в частности с крайней его книгой-исследованием «Накануне войны. Можно ли было избежать трагедии». В своей книге А. Мартиросян приводит документы и свидетельства о прямой причастности части высшего военного командования РККА и части политического руководства СССР к трагедии 41-го года.

И небольшой спойлер. Если при чтении этой книги уважаемому читателю, возможно, покажется, что в повествовании присутствуют более чем два «рояля» (автор сам читатель, и «рояли» иногда сильно раздражают), то автор советует заглянуть в Послесловие. Послесловием, возможно, автору удастся убедить читателя, что замеченные при чтении «рояли» таковыми на самом деле не являются.

20 марта 1943 года, г. Москва

Наконец закончилось моё сидение в Стокгольме. Сначала сформировал Советскую оккупационную администрацию в Швеции, а потом передал руление ею Хайретдинову. Ага. Нехай шведы под татарской рукой походят. Шутка юмора такая. Накануне вечером вылетел из шведской столицы в Москву. Ночью Ли-2 дозаправился в Ленинграде и к трем часам ночи доставил меня на Центральный аэродром столицы Союза. Ожидал всякого, кроме полного игнора. И его и получил. На выходе из самолёта энкавэдэшный патруль проверил у меня документы и потерял ко мне всякий интерес. Оглядываюсь. Встречающих не видно. Парочка легковых авто увозит летевших вместе со мной отечественных и шведских дипломатов, еще одна «эмка» увозит фельдъегеря с секретно-почтовыми мешками. За мной никого не прислали. Иду-бреду к диспетчерской аэродрома. Дежурный сжалился над бездомно-бесхозным генерал-лейтенантом и пустил покемарить до утра в свою комнату отдыха. Утром игнор продолжился. Никто меня не ищет. Умывшись, бреду в аэродромовскую столовку. Продаттестат, предъявленный на входе, оборачивается весьма плотным завтраком. Приличную пайку страна обеспечивает сво-

им генералам. После завтрака выхожу на крыльцо подымить. На аэродроме — движуха вовсю. Всяки-разны самолеты взлетают-салятся, грузовики и легковушки шныряют из одного конца в другой, старшины ведут свои подразделения на завтрак или разводят на работы, зенитные офицеры проверяют очередной раз маскировку орудий, техники колдуют в ангарах, обслуживая уставшие самолеты, начкар с разводящим идет проверять посты. Все при деле, только я выгляжу трутнем. Грустно. Вот так Родина встречает покорителя Скандинавии... Хотя ведь не дали до конца покорить. Маргелов теперь за меня мои недоделки дорабатывает. Ну, да ничего, доделает Василий Филиппович. Из северной Норвегии Дитля уже почти выжали, а в южной части — немцев не так уж и много. Пара дивизий береговой обороны там у вермахта размещено. Куда им против трех советских корпусов рыпаться? Пара недель еще — и, переходя на солженицынский слог, вся Скандинавия застонет под пятой советских оккупантов. Ну и пуцай стонет, нечего было нам гадить, в следующий раз умнее будут вырождающиеся потомки викингов.

Ладно, хорош бухтеть. У меня предписание на руках. Ждут меня в Главном управлении кадров Наркомата обороны. Надо как-то туда добираться. Иду к дежурному по аэродрому, попробую выщиганить какой-нибудь транспорт до Арбата. Оказалось, что ничего сложного нет. Центральный аэродром сейчас весьма оживленный транспортный узел, и машины с него во все концы Москвы снуют. Попутка нашлась буквально через десять минут, а еще минут через пятнадцать я вышел из штабного авто-

буса у здания с квадратной башней на Гоголевском бульваре¹.

Бюро пропусков. Пропуск к кадровикам мне оформили моментально. КПП, проверка документов, гардероб. Скинул с себя моднявый монгольский полушубок и трофейный пехотный ранец с личными вещами на руки сержанту-гардеробщику и окунаюсь в деловую суету наркомата. Большинство местных офицеров передвигаются по зданию без головных уборов, а вот я, не подумав, не сдал свою мутоновую ушанку в гардероб, вот теперь и приходится на каждый поворот головы в мою сторону вскидывать руку в воинском приветствии. Надоело. Плюнул и, сняв шапку, зажал ее под мышкой. Иду по коридорам наркомата, пытаюсь не заблудиться, торможу встречающих офицеров на предмет махнуть рукой в направлении нужного мне кабинета. Уф. Добрался.

В нужном мне кабинете из-за стола навстречу поднимается полковник. Представляюсь. Ага. Ждали меня. Папочка с моим личным делом моментально извлекается из ящика двухтумбового стола. Несколько минут полковник листает мое «дело», извлекает из него уже заполненный бланк.

— Товарищ генерал-лейтенант, — официальным тоном произносит полковник, — приказом наркома обороны вы направляетесь на учебу в Высшую военную академию имени Ворошилова².

Полковник вручает мне предписание. Приехали. Все воюют, а меня за парту. За что? Встаю, собираюсь уходить.

¹ Адрес Наркомата обороны СССР — Гоголевский бульвар, д. 18.

² Так с 1942 по 1958 год называлась Академия Генерального штаба.

— Подождите минутку, товарищ генерал. Тут еще один момент. — Полковник опять листает мое «дело», находит там еще что-то: — Ага, вот оно. Вас просят обязательно зайти в финансовый отдел.

— И где мне его искать?

— Пойдемте, я вас провожу, тут недалеко.

Опять коридоры-переходы-лестницы. В финотделе полковник сдает меня с рук на руки штабному финансисту, и тоже полковнику. Финансист рад встрече. Оказывается, у меня на счету скопились большие выплаты и беспорядок, что они еще не выданы на руки. Почему их было не произвести через финчасть корпуса? Так там отродясь таких деньжищ не водилось. Полковник быстренько оформляет платежки и ведет меня в кассу. Охренеть! Кассир, потребовав с меня роспись в платежке и в каком-то журнале, начинает выкладывать передо мной банковские бандерольки. Пять бандеролек с черными червонцами¹, четыре бандерольки с пятирублевыми синими купюрами и еще небольшая пачка пятерок и трешек. Итого пятьсот двадцать с копейками тысяч рублей. За что мне столько? Оказывается, премии и выплаты за рацпредложения. Не хило так государство оценивает мои интеллектуальные потуги. Оказывается, все то, что я успел нагенерировать в разговорах, в Генштабе и на заводах, оформлено и задокументировано, а за то, что пошло в производство, мне полагается доля. Наболтать я за прошедшую зиму смог много. Боеприпасы объемного взрыва, усовершенствование кумулятивных боеприпасов, мины направленного действия, снегоходы

¹ Билет Государственного банка Союза ССР номиналом в десять червонцев имел основной цвет — черный. На рубли червонцы разменивались по курсу 1 к 10.

и водные мотоциклы, реактивные заряды разминирования, реактивная система дистанционного минирования, усовершенствование танков-мостовкладчиков и идея инженерных машин разграждения-путепрокладчиков, че-то еще по мелочи. Особняком стоит совсекретное рацпредложение о способе уничтожения вражеских баз флота. В одну из встреч с Василевским вспомнил о взрыве в канадском Галифаксе транспорта со взрывчаткой и предложил подгонять во вражеский порт сухогруз под нейтральным флагом и с мирным сельскохозяйственным грузом, с селитрой. Василевский прислушался к моим фантазиям и организовал такой подгон в турецкую Чанаккале, где готовился к броску в Черное море немецко-англо-итальянский флот. Пять линкоров, два авианосца и несколько десятков крейсеров-миноносцев-подлодок-транспортов будут развлекать в будущем любознательных дайверов на дне турецкой бухты.

В общем, понятно, за что мне такое богатство. А вот что мне теперь с ним делать? Куды мне с такой охапкой денег? Кассир сжалился и выдал мне из своих запасов холщовый мешок. Прикольнo. Идет по коридорам наркомата обороны генерал-лейтенант и как Дед Мороз мешок с подарками волочет. В гардеробе зачихал денежный мешок в ранец с вещами, от чего тот солидно распух. Теперь мне предстояло как-то до академии добратсья. До Большого Трубецкого переулкa, где она сейчас располагается, почти час пешком, наверное. Иду к дежурному по КПП клянчить машину. Хорошо быть генералом. Не послал меня майор-дежурный, проявил внимание-уважение. Правда, все легковушки из наркоматовского гаража в разгоне и до ака-

демии меня подбросила полуторка. Фигня, мы не гордые, зато не пришлось месить ногами начавший активно таять снег.

Академия. КПП. Проверка документов. Объяснение дежурного, как пройти в строевой отдел. В строевом опять полковник. В отличие от наркоматовских наглаженно-образцовых тыловых полканов, этот, помято-бледный с тростью, явно только из госпиталя, танки в петлицах. Извиняется. Только вторую неделю здесь, не все еще знает и постоянно выходит куда-то посоветоваться-уточнить. Около часа ушло на заполнение всяких-разных бумаг. После чего строевик выдает мне ключ от служебной квартиры. Адрес — в районе Таганки. Ближний свет, ага. Подальше ничего не было? Не, ближе ничего нет. Ближайшая общага вся занята, да и не положено генерал-лейтенанту в общаге кантоваться. Так что получите-распишитесь, вот вам казенная двушка. И не забудьте к заму по тылу зайти. Нет. На довольствие меня и так поставят. Но мне, оказывается, еще продпак натурой положен. Зам по тылу выпишет накладную, и можно будет на продскладе недельный запас тушенки-хлеба-макарон-круп получить. А завтра к восьми ноль-ноль ждут вас, товарищ генерал, в учебном отделе. Нет, сейчас туда идти бессмысленно, со слушателями учебный отдел только с утра работает. Так что завтра там получите назначение в учебную группу и расписание занятий.

Зам по тылу. Продсклад. Цельный вещмешок всякого съестного. Вещмешок, правда, на склад надо вернуть, или финчасть из зарплаты высчитает.

И вот стоит на улице генерал-лейтенант в полубке, на одном плече немецкий ранец с мыльно-рыльными принадлежностями, сменой белья

и полумиллионным богатством, а на другом — отечественный сидор с американскими консервами и советской хлебно-крупяной и прочей гастрономией. Личной машины слушателю академии не положено. Адъютанты-ординарцы остались в Стокгольме. Вот стою и думаю, как добраться через пол-Москвы до своего нового дома. Торможу проходящего мимо пожилого старшину-милиционера. Тот, косясь на мой объемно-массивный багаж, для начала требует предъявить документы. Уразумев ситуацию, довольно подробно объясняет, как проехать до Таганки, где и на что пересаживаться. Иду-бреду к остановке трамвая. Мужик какой-то за мной увязался. Да не, ему тоже на трамвай. Дожидаясь вагон электротранспорта, успел покурить. Пустая поначалу остановка заполняется людьми. Наконец подходит дребезжащий вагон. Загружаюсь. Покупаю у кондуктора билет и прошу его предупредить меня о нужной остановке. Трамвай перебирается через Москву-реку по Крымскому мосту и начинает петлять по улочкам Замоскворечья. Давешний мужик выходит на очередной остановке. И чего я к нему привязался? Выходит — и хрен с ним. Трамвай трогается. Бросаю взгляд назад, на удаляющегося мужика, трястись в трамвае еще долго, вот и скучно мне, развлекаюсь, пытаюсь понять, чем мужчинка привлек мое внимание. За трамваем едет слегка помятая «эмка». «Эмка» как «эмка». Но вот она притормаживает у тротуара, и мужик запрыгивает в ее нутро. Знакомые подвернулись? Может быть. Легковушка резво обходит трамвай и исчезает за очередным поворотом. Трамвайные рельсы чуть погодя вворачивают вагон в тот же поворот. Пригибаюсь, чтобы глянуть в лобовое стекло вагона. «Эмка» стоит

у очередной остановки, и из нее выходит мужчина. Другой. Тыдынц! Чего это за пляски? Авто уезжает, а мужик нацеливается загрузиться в трамвай. Ну его на фиг такие танцы-непонятки. Мужик заходит в заднюю дверь и сразу попадает в объятия пожилой кондукторши. Пока они там меряются-меняются мелочью-билетами, я выскакиваю из трогаящегося вагона.

Ворота-подворотня. Быстрым шагом вваливаюсь во двор дореволюционного многоквартирного дома. Вряд ли двор тупиковый. Ага. Еще в три стороны проходы есть. Иду, куда ноги несут. Поворот. Еще двор. Опять поворот. Надо на соседнюю улицу выйти. Очередной двор. Бабулька с пацаном лет десяти. Только собираюсь задать вопрос о пути-дороге, как мальчонка озадачивает меня:

— Дядя, а вы письмо от моего папы нам принесли?

— Егорка! — подает голос женщина. — Ты что, не видишь, это командир, а не почтальон. — И уже мне: — Извините, товарищ командир. Егорка ко всем теперь пристает, письмо от отца все ждет.

На пацаненка жалко смотреть. Вот-вот заплачет от разочарования.

— А кто у тебя папка? — спрашиваю.

Парень оживает, хлопает носом и выдает:

— Папка у меня танкист! Вот! Капитан Капитанов!

— Как? — вздрагиваю, бывает же такое, или мне послышалось.

— Звание воинское такое — капитан, — серьезно разъясняет парнишка. — А фамилия наша — Капитановы. Вот!

Твою ж дивизию, бывает же такое...

— Все-все, Егорка, не отвлекай товарища командира, — бабулька тянет внука к подъезду.

— Нуу, баа, может, он про папку что слышал? — не унимается малец.

— Как зовут отца?

— Александр Сергеевич.

Во блин! Бабулька внимательно смотрит на меня, и от нее не ускользают мои эмоции.

— Вы его знали?

Знал ли я его? Бывают, конечно, совпадения. Но вот так у меня в первый раз.

Это было на следующий день после того, как мы освободили Ригу. Из нескольких концлагерей мы несколько тысяч военнопленных освободили. Из них же начали спешно формировать пехотные подразделения, благо и трофейного оружия было захвачено в достатке, и один из лагерей оказался офицерским, и не было проблем с тем, кого поставить взводами-ротами командовать. На формируемые батальоны я ставил своих, бригадных офицеров, а вот ротными-взводными там назначались только что освобожденные бывшие военнопленные из офицерского концлагеря. Без проверки-филтрации. Некогда. Все потом. На Ригу шел эсэсовский танковый корпус, и надо было срочно крепить оборону. Поехал я тогда по позициям. Проверяю, как окопы-позиции оборудуют, новые подразделения инспектирую. Очередная сводная группа готовится выдвигаться навстречу немцам для организации заслона-засады. Танковый взвод и свежесформированная пехотная рота при двух противотанковых пушках. Командир роты подбегает с докладом. Командир роты капитан Капитанов. Очень похож на актера Юматова из «Офицеров». Бывает же такое! А если до полковника дослужится? Фамилию менять? Улыбаюсь. Капитан мнетя, что-то ещё хо-

чет сказать. Ну, давай выкладывай. Танкист он. Последнее место службы — командир батальона легких танков во 2-й ударной армии. В июле прошлого года при попытке вывести оставшихся бойцов батальона из окружения был ранен и взят в плен. Вот так. В общем-то довольно рядовая по нынешним временам история.

— Я танкист, товарищ генерал, могу наводчиком в любой танк сесть, больше пользы принесу.

Слава богу и партии, у нас в бригаде на тот момент потери в общем-то были небольшие и безэкипажной техники не имелось, разве что десяток-другой взятых уже здесь, в Риге, трофейных бэтээров. Но это не для танкового комбата работенка.

Киваю адъютанту, мол, запиши данные, будем иметь в виду.

— Извини, капитан, нет у меня для тебя танков. Вот отобьемся, тогда и тебя по профилю применим, а пока давай не подведи. Немцев надо максимально притормозить на дальних подступах.

А через несколько дней, когда от немецкого корпуса отбились и к Риге подошли части Северо-Западного фронта, сижу в штабе, просматриваю донесения из подразделений о потерях, разбираю представления о награждениях, пишу похоронки. На рядовых-сержантов похоронки писали командиры подразделений, а на офицеров у меня похоронки писали штабные, ну и я сам тоже, когда время позволяло. Когда разбирал представления о награждениях, натываюсь на знакомую фамилию. Капитан Капитанов. Умело командовал ротой при устройстве засады. Рота под его командованием уничтожила до двухсот вражеских солдат и офицеров, огнем из ПТР и противотанковых орудий рота

подбила четыре танка, шесть бэтээров и до десяти грузовиков. Был ранен. Один из наших танков, участвовавших в засаде, был подбит. После получения приказа на отход заменил убитого наводчика в подбитом танке и огнем из этого танка прикрывал отход подразделения на запасные позиции. Огнем из танка лично подбил три вражеских танка и два бэтээра. Вел огонь из танковой пушки до тех пор, пока танк не был окончательно уничтожен врагом. Через несколько дней, когда мы вернулись на эти позиции, тело капитана было извлечено из танка и опознано. Похоронили капитана в братской могиле на окраине Риги. Комбат представлял капитана к ордену Красного Знамени посмертно. Зачеркиваю. Вписал представление к званию Героя. Только вот похоронку некуда было писать. Личное дело не успели толком завести. Где и когда родился, когда был призван, где учился — есть, а про семью записи нет. Ну, ничего, данных хватает. Разберутся штабные, найдут родных капитана.

И вот, похоже, сам семью капитана нашел.

— Фотография есть твоего папки? — спрашиваю мальчика. — Был у меня знакомый с такой фамилией.

Мальчонка оживился, тянет меня за собой. Поднимаемся на второй этаж, в квартиру к моим нечаянным знакомым. Егорка, не разуваясь, бежит в комнату и возвращается с большой, видно ещё довоенной, фотографией. Бравый красный командир, в петлицах танки и кубари старшего лейтенанта, миниатюрная блондинка в светлом ситцевом платье, а между ними Егорка в новенькой школьной форме с портфелем и букетом цветов. На первое сентября, наверное, фоткались. На фото командир еще больше на Юматова похож.

Бабулька замерла, прижала руки к груди. Мальчишка с надеждой заглядывает мне в глаза.

— Он? — шепчет женщина.

— Он, — киваю, слова застревают в горле.

Женщина уже все поняла по моему виду.

— Когда?

— Зимой, под Ригой.

Егор, размазывая слезы, убегает в комнату. Бабулька просит рассказать о том, где и как. Приглашает пройти на кухню. Прошу поставить чайник. Заваркой я нынче богат. Попьем чайку. Под чаек и расскажу. Бабульку зовут Тамарой Степановной. Теща капитана. Жена Александра Капитанова — Ольга — на службе, здесь, в Москве. Зенитчица. Младший лейтенант. Командир взвода. Иногда забегает домой, но все больше в казарме или на позициях где-то в Сокольниках.

Пока Степановна возится с чайником на керогазе, лезу в свой вещмешок и начинаю выуживать из него заварку и другие деликатесные в нынешнее время продукты. Вот, блин, тормоз! Вываливаю из мешка все продуктивное богатство на кухонный стол.

— Тамара Степановна, это вам.

— Да вы что? Мы не голодаем. И у Ольги паек хороший, — сопротивляется бабулька.

Да уж. На блокадные ленинградские фото они с Егоркой, конечно, не похожи, но и упитанными не выглядят.

— Берите. Страна своих генералов хорошо кормит.

Деньги у меня есть, могу и в коммерческом ресторане недельку похарчеваться. Перебьюсь.

На кухне опять появляется Егорка.

— Расскажите про папку.

Конечно, расскажу. Для начала вручаю мальчишке плитку шоколада. Потом достаю из трофейного ранца трофейный же эсэсовский офицерский кинжал. Ясен пень, не сам его затрофеил, корнеевские ухорезы добыли, ну а уж мой главный особист мне презентовал.

— Держи.

Егорка внимательно рассматривает кинжал, слегка морщится, натываясь взглядом на орла со свастикой, усевшегося на ореховой рукоятке.

— Трофей.

— Папкин?

Что тут скажешь.

— Да, папкин. Он немецкого полковника убил и с него этот кинжал снял.

Ага. Трофей должен иметь свою историю.

Поспел чай, нарезаны бутерброды. Рассказываю все, что знал о капитане. Степановна охает. Егор замер, сжимает кинжал и ловит каждое мое слово. Восторг в мальчишеских глазах, когда сообщаю о том, что его отец представлен к ордену. К какому — не говорю. Не знаю, утвердили ли мое представление на Героя. Если нет, то уж Красную Звезду должны дать точно. Все рассказал. Пошли вопросы. Уже собрался уходить. Звонок в дверь.

— Мамка пришла. — Егор срывается с табуретки и бежит в коридор.

Ольгу отпустили со службы переночевать дома. Знакомимся-представляемся. Сообщаю печальную весть. Ольга воспринимает известие о гибели мужа даже с каким-то облегчением. В прошлом августе пришло извещение, что муж пропал без вести. Про гибель Второй ударной особо не сообщалось, но Ольга уже тогда служила и примерно представляла, где муж служил и что там произошло. Погиб?

Попал в плен? Как узнать? А тут хоть какая-то определенность. Приходится рассказывать все по второму разу. Засиделись. На улице уже темно. Скоро комендантский час. Фигня. У меня пропуск. На прощание объясняю Ольге, куда надо обратиться в наркомате, чтобы получить документы о гибели мужа, и как узнать о награждении.

Выхожу из дома и начинаю петлять по дворам, выбираясь на улицы. На улице нос к носу сталкиваюсь с патрулем. На мне полушубок с большим овчинным воротником, погоны почти не видны, генеральские лампасы на галифе тоже из-под полушубка не рассмотреть. Прикольно выглядит младший лейтенант, разглядывая мое удостоверение личности и врубаясь, что там за звание прописано. Цельный генерал-лейтенант из подворотни с немецким ранцем вырулил. Есть от чего рот разинуть и удивиться. Чего это генерал тут, ночью, один, с плотно набитым ранцем делает?

— А что у вас там, товарищ генерал-лейтенант? — начальник патруля указывает рукой на стоящий у моих ног ранец.

— Личные вещи и деньги.

— Предъявите к досмотру, пожалуйста.

Да без проблем, смотрите. Лица патрульных вытягиваются при виде объемных пачек денег, руки на автомате скидывают с плеча карабины. Начпатр тоже тянется к кобуре.

— Спокойно, младший лейтенант, посмотрите там, — киваю на стопку моих документов, еще зажатую в руке младлея. — Расчетная книжка¹ есть, в ней все отражено.

¹ В расчетную книжку записывались все выплаты, производимые финчастью офицеру.

Начпатр недоверчиво начинает листать рас­четку, а там все премии скрупулезно перечислены и дата выплаты стоит сегодняшняя.

— Вопросы?

— Никак нет, товарищ генерал-лейтенант. Но как же вы тут?

Хрен его знает, о чем хотел спросить младший лейтенант, но снисхожу и пытаюсь объяснить.

— Зашел к семье погибшего однополчанина, — киваю на дома за спиной. — Вот засиделись, а те­перь надо до своей квартиры добраться.

— А где квартира?

— Лейтенант, там же в документах ордер на квартиру есть, — указываю начпатру на невни­мательность.

— Ах да, извините.

— Лучше подскажите, как пройти, а то я в этих местах первый раз.

Начальник патруля начинает словами и жестами описывать дорогу до нужного мне адреса. В начале улицы появляется взрыкивающий движком грузо­вик. Один из патрульных выскакивает на проезжую часть и тормозит порожнюю «трехтонку». Младший лейтенант прерывает свои объяснения и идет про­верять документы у водителя. Минуты через три-че­тыре возвращается ко мне.

— С вокзала пустой на завод возвращается, — комментирует начпатр ситуацию. — Ему в ту же сторону, что и вам. Может подвезти.

— Спасибо, лейтенант, воспользуюсь.

Пожилой водитель устал и хмур, неразговорчив. Опаздывает на погрузку, звиздюлей отсыпать могут, так что никуда заезжать не будет, а выкинет меня в ближайшем к моему дому месте на его маршруте. Ну и на том спасибо.

Прокатились с ветерком. Иду, оскальзываясь на подмерзающих продуктах дневного таяния сугробов. Нужный квартал нахожу без проблем. Мой дом в глубине квартала, это я ещё в академии на плане Москвы рассмотрел-запомнил. Дом. Трехподъездная пятиэтажка. Ориентируюсь по табличкам у подъездов и нахожу свой. Дверь со скрипом. Света на лестнице нет. Светомаскировка. Достāju фонарик и, подсвечивая им, взбираюсь на нужный мне третий этаж. Уф. Добрался. Отпираю дверь и захожу в квартиру. В квартире тепло. Паровое отопление, однако. Свечу фонариком. На окнах есть плотные шторы светомаскировки. Задергиваю их, включаю свет. Осматриваюсь. Минимализм. На кухне — стол, тумба, стул и керогаз. В ванной присутствует дровяной водогрей и небольшая охапка дров, топорик для их колки. Комнаты проходные. В первой солдатская панцирная кровать с матрасом, подушкой и казенным одеялом, шкаф с постельным бельем, и все. Во второй комнате — пустой книжный шкаф, стул, двухтумбовый письменный стол и настольная лампа на нем — типа кабинет. Вот и все убранство квартиры. Да... не «Метрополь», однако. Не то чтобы я ожидал роскошных апартаментов, но этот здешний минимализм наложился на преследующий меня последнее время игнор. Никому я не нужен, никто со мной встречаться не хочет. Садись за парту, генерал, и не отсвечивай. Обидно, досадно. Хотя... Сейчас в Белоруссии, по всей видимости, большая драка началась, и моим московским знакомцам просто не до меня, головняков сейчас у Генштаба и Ставки выше крыши, и некогда им одному из многих генералов сопли подтирать.

Вешаю в шкаф полушубок, ранец туда же, выключаю свет и, не раздеваясь, заваливаюсь на кро-

вать. Леню. Леню раздеваться, леню кровать бельем застилать, есть пока нечего, да и не проголодался еще. Утро вечера мудренее. Посплю, там дальше будем посмотреть. Блин... Будильника-то у меня нет. Просплю — не просплю? Встаю с кровати, раздергиваю шторы, приоткрываю окно. Начнется утром движуха на улице, услышу и проснусь. Выглядываю в окно. Во двор въезжает машина. «Эмка». «Эмка»? Возвращаю голову в тепло квартиры и наблюдаю. «Эмка» тормозит у первого подъезда. К ней от угла соседнего дома бежит мужик. Из «эмки» выходят трое, из водительской двери никто не вылезает. Подбежавший жестами указывает на мой подъезд. Троица направляется к моему подъезду. За мной? Ко мне? Зачем? Бандиты? НКВД? Или опять прокуратура? Вряд ли последние двое, но, с другой стороны, мало ли какие установки чекистам могли дать, мало ли чего неравнодушные люди про меня могли в прокуратуру настучать. Ладно, посмотрим. Не зажигая свет, на ощупь подхватываю из ванной топорик, ремень с кобурой на плечо и выхожу на лестничную площадку. Тихонечко прикрываю дверь и запираю ее на замок. Теперь тихонечко-тихонечко, на цыпочках на пятый этаж.

Скрипит дверь подъезда. Троица полуночников пытается повторить мой маневр по бесшумному передвижению. Шума почти нет, но вот фонариком они себе подсвечивают, и мне виден их маршрут. Поднялись на третий этаж. Остановились у моей двери. Шепоток. Ковыряются в замке. Бандиты? Не факт. Может, и вполне себе легальная группа захвата. Дверь открылась, и троица заходит в мою квартиру.

Стараясь не шуметь, спускаюсь. Слегка приоткрываю дверь в квартиру и подсовываю под нее носок топора. Теперь дверь особо не откроешь, топор сработает клином. ТТ в руку. Нажимаю на кнопку механического звонка. Звон-перезвон. В квартире — приглушенные матерки.

— Внимание! Работает Московский уголовный розыск, выходить по одному, руки за голову, — подпуская в голос свирепости, ору в квартиру.

— Спокойно, коллеги, свои, госбезопасность, у нас ордер.

Ага, ордер у них. На обыск или на арест? А чего тогда тихарятся и в темноте шарятся?

— Документы предъявите. Один к двери с документами. И свет в коридоре включите.

— Сейчас-сейчас, коллега.

Шепотки, осторожные шаги в коридоре.

— Свет!

— Да-да, сейчас.

В коридоре зажигается свет. Я-то в темноте стою, а вот тем, кто в квартире, на несколько секунд фокусировку собьет. Но полуночный нежданчик с промаргиванием и восстановлением зрения тянуть не стал, а с разгону врзал ногой по двери, примериваясь выскочить на лестничную площадку вслед за распахнутой дверью.

Не срослось. Дверь крепка, и топор надежно ее клинит. За дверью мат в полный голос, видать, хорошенько ногу себе отморозил мужик. В щель между дверью и косяком вижу валяющийся на полу пистолет и ноги завалившегося на пол попрыгунчика.

— Всем на пол, — ору. — Кто дернется — стреляем на поражение!

Из квартиры раздаются выстрелы, в двери появляются дырки. Ах вы ж суки! Получите. Стреляю в щель по ногам неудачного борцуна с дверью. Два выстрела, и не скакать больше зайчишке никогда. Зайчишка орет-визжит и матерится. В квартире какая-то движуха. Нагибаюсь, чтобы вырвать топор из-под двери, и чуть не получаю инфаркт. Мне на плечо ложится рука. Оборачиваюсь. Мужик лет сорока, в галифе, вязаных носках и белой нательной рубаше, в правой руке стволом вверх такой же, как у меня, ТТ.

— Помочь?

Ага, пипифакса принеси! Конечно, помочь!

— Патруль, милицию вызови.

— Уже позвонил. Едут.

Нормуль. Значит, можно не суетиться, не изображать из себя Рэмбу. Приедут специалисты и разрулят ситуацию.

Вдруг в квартире раздается грохот. Ор. Вой. И почему-то вой за окном. Глухой стук упавшего мешка с картошкой доносится с улицы. В квартире нарастающий шум, похожий на звук фонтана. Душераздирающий вой в квартире.

Вырываю из-под двери топор и врываюсь в квартиру. Сапог, пинок, голова. Обезноженный зайчишка успокаивается в углу коридора. Нефиг к пистолету тянуться. В первой комнате дым. Нет. Пар. В клубах пара мечется второй неудачник. Личико ему обожгло. А зачем же было трубу отопления курочить? Замах, топор, бедро. Не, ногу не отрубил. Бил обухом. Пусть хромоножкой поживет, зачем ему летящая походка, когда глазные яблоки в вареные яички превратились?

К окну в комнате не подойти. Из развороченной трубы отопления хлещет кипяток. Выгляды-

ваю в окно на кухне. Внизу, на превратившемся в монолитный камень сугробе, лежит тело третьего ночного гостя и не сыгравшие роль спасительной веревки разодранные простыни. Деревня! Кто ж тебя надоумил трубу отопления заместо анкера использовать?

Возвращаюсь в коридор. Нежданный помощник уже крутит-вяжет бандюганов их же ремнями. Уф. Ну вроде усе. Вон и за окном слышен шум подъезжающих машин. Ух ты ж, сколько вас! Первыми до квартиры добежали патрульные из комендатуры, менты следом — они подзадержались под окном у незадачливого стенолаза. Сразу за милицией появились гэбэшники. Опаньки, и не гэбэшники вовсе — «Смерш»! Это я чего-то упустил. Вашу же контору должны были только через месяц создать. Вслух, ясен пень, этого не произношу, но интересуюсь, что за зверь такой? Оказывается, уже два дня как создан единый «Смерш»¹.

*21 марта 1943 года,
г. Раков, Белорусская ССР*

Гвардии лейтенант Миша Васев уже четыре года как был танкистом, в 39-м на срочку призвали, а с передовой он почти не вылезил с ноября 41-го, с самого начала контрнаступления под Мо-

¹ В РИ — 19.04.1943 года Постановлением СНК СССР на базе Управления особых отделов НКВД СССР были созданы Главные управления контрразведки (ГУКР) «Смерш» в наркоматах обороны и Военно-морского флота СССР. В АИ — 18.03.1943 года создано единое ГУКР «Смерш» при Ставке ВГК без разделения по наркоматам, начальником «Смерша» назначен комиссар госбезопасности 2-го ранга Виктор Семенович Абакумов.

сквой. Тогда он был еще рядовым мехводом, чуть позже стал командиром танка, а сейчас у него под командой целый взвод — три новеньких ниже-тагильских Т-34 с весьма полезной доработкой — с командирской башенкой¹. Танковые батальоны их 23-й гвардейской танковой бригады командование раздергало поротно на усиление стрелковых частей, формирующих внешнее кольцо окружения немецкой группы армий «Центр». А вот 2-я рота 1-го батальона бригады, в которую и входил взвод Миши, угодила в резерв командира 11-й гвардейской стрелковой дивизии. Правда, прежде чем стать резервом, роте пришлось серьезно попотеть.

Подумаешь, марш в пятнадцать километров от Заславля, где располагалась бригада, до Ракова, вокруг которого были позиции частей 11-й дивизии. Ерунда. Час хода от силы. Но прошлой ночью, уже под утро, когда рота была на середине маршрута, нацисты из Минска решили попробовать на зуб позиции 326-й дивизии, стоявшей на внутреннем обводе кольца окружения.

От Минска на позиции дивизии ломанулись пехотные части европейских союзников Гитлера. Так-то этих датчано-бельгийцев особо не боялись. Вооружение дерьмовое, артиллерии почти нет, пулеметов минимум, танков-бэтээров тоже нет, передвигаются на своих двоих, потому как и автомашин

¹ В РИ — командирская башенка появилась на Т-34 только летом 1943 года. В АИ — в связи с массовым применением, сначала в бригаде Брежнева, а затем и в других частях РККА, трофейных танков советские танковые командиры оценили удобство командирской башенки и начали массово требовать установку аналогичных на отечественных танках. Первые Т-34 с командирской башенкой начали поступать в войска в начале весны 1943 года. ГГ — к этому руку не прикладывал.

даже в обозе нет. Лошадки, впряженные в телеги, и лошадки для старших командиров — вот и весь транспорт этих завоевателей. Хорошие пулеметно-артиллерийские ротные опорные пункты могли без проблем отражать атаки хоть целого полка этих европейских воинов. Да и дивизию, скорее всего, бы остановили и заставили бы умыться кровью. Но не в этот раз. Видать, европейские нацики со всего Минска и остающейся под их контролем округи белорусской столицы сгребли все авто-мото-тракторное. Потом, после боя, когда удалось поближе рассмотреть побитые вундервафли, обнаружилась даже парочка паровых тракторов, которые иногда еще использовали в деревнях как привод для молотилок или мельниц. Так вот, собрали эти франко-голландцы чуть не три сотни всякого-разного гражданского транспорта, присобачили на него пулеметы-пушки-минометы и ломанулись без артподготовки через подмерзшие к утру поля на позиции одного из полков 326-й дивизии. Грузовик с малокалиберной пушкой в кузове или легковушку без крыши, но с пулеметом остановить не проблема, если ты в окопе да с пулеметом, особенно если с крупнокалиберным. Но вот если эти вооруженные каракатицы лезут-ломаются из всех щелей, если и сосчитать их даже не получается — вот тогда действительно проблема. Первые ряды авто-мото-недотанков наши стрелки остановили, но слишком густо было этих недоразумений, мешают они целиться в идущих следом. А следом кроме таких же эрзац-тачанок лезет еще и обычная пехота и тоже прикрывается дымящимися трупиками изделий гражданского автопрома. В общем, добрались евроокупанты до нашей первой линии

окопов. Рукопашная. Штыки-гранаты, лопатки-приклады. До хрена нациков было. Потом прикинули — минимум три дивизии. Против полка! Правда, полк тот не осени 41-го. В нем все как положено. Батареи 45-мм и 76-мм пушек, батарея 120-мм минометов, в батальонах полка минометные и пулеметные роты и взводы 45-мм пушек, и даже в обычных стрелковых взводах имеются минометные отделения. Накрошил полк оккупантов от души, но уж слишком много было фашиков. Добрались-добежали они до наших окопов и захлестнули советских бойцов волной безумной. И реально замаячила перспектива прорыва внутреннего кольца окружения. Вот тут-то командование и сдернуло с маршрута роту, в которой служил Мишка, затыкать-разруливать проблему.

Сто 76-мм снарядов и чуть более трех тысяч 7,62-мм пулеметных патронов в каждом из десяти танков роты. Круто. Круто было бы, если все снаряды были бы осколочно-фугасными или картечными, ну или шрапнельными. Но рота готовилась отражать удар немецких панцеров снаружи кольца, и большая часть боекомплекта была из бронебойных снарядов. Автотачанки бронебойным снарядом прошивались насквозь, но эти же снаряды были абсолютно бесполезны против пехоты. Уже на рассвете, когда стало понятно, что отбились, что наступательный порыв нациков выдохся, танкистам пришлось работать гусеницами. Патроны в пулеметах кончились, снаряды — только подкалиберные остались, и как таким снарядом по бегущему пехотинцу стрелять? Вот и пришлось погоняться, по заставленному коптящими небо авторазвалинами полю, за разбегающимися нациками. Изред-

ка на броне танка что-то бухало. Тихонечко. Это особо отмороженный бельгиец или француз пытался исподтишка поразить советский танк противопехотной гранатой. Безумству тупо-тугоголовых споют песню в Париже и Брюсселе. Позже. Когда вести о бойне-катастрофе дотуда дойдут. А бойцы 326-й стрелковой дивизии поутру считали трупы европейцев и остовы евротачанок. Как отмечалось выше, ранее едущих развалин насчитали под три сотни. Трупов — больше восьми тысяч. Больше — потому что комдив больше считать не разрешил и отправил счетчиков восстанавливать порушенные оккупантами позиции, хотя новые окопы уже капало около трех тысяч пленных.

Авиация? Где была авиации? Наша или немецкая. Уже несколько дней как погода была откровенно нелетной. Низкие-низкие тучи, из которых периодически высыпалась то мелкая снежно-ледяная крупа, то мелко-противная водяная взвесь. Вот и не было авиатехники у обеих сторон. И не было авиаразведки.

Вот так. В Раков рота прибыла только накануне вечером. Без потерь прибыла. Но с расстрелянным в ноль боекомплектом и с минимумом солярки в баках. Хорошо, что у стрелков-пехотинцев пушки теми же снарядами стреляют, что и танкистам нужны. Поделились полковые артиллеристы снарядами, отсыпала пехота патронов к пулеметам, а к утру и заправщики из бригады добрались — наполнили пересыхающие баки. Теперь жить можно. Поспать бы еще. Да какой там! Всю ночь провозились с сортировкой и погрузкой привозимых вразнобой пехотой снарядов да обслуживанием-ремонтом танков. Ничего серьезного, но вот приборы наблю-

дения повреждены были почти на всех танках, еврацики, не имея чего-то серьезного для борьбы с «тридцатьчетверками», массово пытались покалечить прицелы-триплексы танков огнем из стрелковки. Хорошо, что на заводе запас триплексов¹ в возимый ЗИП² отсыпали щедро. Поесть-поспать? Поесть удалось, поспать — нет. Ротного в штабе дивизии предупредили, что дивизионная разведка фиксирует выдвижение немецкой мотопехоты и танков к позициям дивизии со стороны Воложина. Видать, наконец-то решились немцы на деблокирующий удар, не стали ждать улучшения погоды, попрутся без предварительных авианалетов.

Позиции 11-й дивизии хороши. Всего двенадцать километров от Ракова на востоке и до Рудни на западе, по южному лесистому берегу речушки Исlochь. За Рудней — болота, при всем желании не пройдут там немцы. А за Раковым уже другие наши дивизии стоят. К северу от Исlochи по большей части поля, перемежаемые небольшими рошицами. Почти все рошицы от берегов реки на полтора-два километра отстоят. И эти полтора-два километра немцам придется пройти под огнем частей дивизии. И никак от этого им не уклониться. Немного дорог тут к Минску ведет, и стиснуты они все лесами и болотами. Вот так и здесь. Дорога на Минск вдоль северного берега реки идет, и не пройти по дороге, пока советских бойцов от речки не отбросишь. И севернее, вдали от реки, немцам не пройти — там опять

¹ Так танкисты называют перископические приборы наблюдения экипажа.

² ЗИП — запасные инструменты и принадлежности. Запчасти и расходники, входящие в обязательную комплектацию техники.

леса-болота начинаются. Так что будут немцы сначала пытаться отбить южный берег реки, а потом уж по дороге ломанутся к Ракову и далее на Минск.

Сидит Мишка у танка, спрятанного под деревьями небольшой рощицы, слушает канонаду. Мехвод принес в котелке чайку. Хорош чаек, ароматный, с травками, из Грузии недавно посылки в бригаду привезли от тамошних колхозников. Кроме чая в тех посылках еще различные сухофрукты были. Начмед бригады говорил, что полезны они для глаз. А глаза для танкиста очень нужны. Зоркие глаза! Первый увидел вражеский танк или пушку — значит, жив будешь, проворонишь противника — пипец тебе. Прошли времена, когда у немцев только слабенькие «колотушки» были. Сейчас у них вполне себе серьезные орудия имеются и в противотанковой артиллерии и на танках, если попадут, то почти точно тебя подобьют. Это, конечно, про собственно немцев. У их союзников с противотанковыми средствами пока не очень. Но, судя по всему, сегодня в бой идет именно что немцы. Так что закусывает Мишка чаек сушеными кавказскими вкусняшками, готовится к бою. Дай бог, чтоб до боя не дошло. Нет, не трусит лейтенант, нет. Просто если их роту куда в бой сдернут, то это значит, что там совсем плохо, что там наши не могут самостоятельно удержаться, что слишком силен на том участке противник и без помощи резерва не удержаться пехоте.

Дело шло к полудню. От соседней рощицы, где располагался штаб стрелковой дивизии, примчался снегоход. Начали недавно такие мотоциклы, поставленные на лыжи и гусеницы, поступать в гвардейские части. Удобно и быстро, почти по любому зимнему бездорожью гоняют. Водитель снегохода за-

брал ротного и, газанув, умчал обратно в штаб. Ага. Сейчас командиру задачку нарежут. Сворачиваем костерки-перекусы, экипажи к машинам, а командиры взводов подтягиваются к танку ротного. Ждем. Через минут десять снегоход возвращает ротного.

Хорошие новости. Наши везде держатся. Вот только у немцев работает пара-тройка стопятидесятимиллиметровых гаубичных батарей. Не достать их никак, сильно мешают они нам. Поэтому танковая рота стартует с северной окраины Ракова, не дошли туда еще немцы, и через ближайшую рощу уходит в рейд по немецким тылам. Нет здесь еще сплошных порядков у немцев, можно проскочить и поискать их артиллерию. Задача поставлена, цели определены, за работу, товарищи!

— По машинам!

И рванула рота по подтаявшие-раскисшим полям навстречу врагу. Исlochь пересекли по мосту у Ракова и сразу углубились в лесок. Пришлось попотеть механикам, петляя между деревьями, но справились — выскочили на северную опушку рощи. При тормозили. Ротный и взводные из люков вылезли, в бинокли рассматривают местность. Поле, в поле хуторок погорело-разваленный, за хуторком опять лесок-роща. Немцев не видно. Ну, что, рванули? Ротный дает команду по радио. Сначала взвод Мишки пойдет до развалин хуторка. Там за развалинами тормознется-спрячется, и тогда остальная рота подтянется. Зачем такие сложности? Да вот не нравится ротному опушка леса за хутором. Хорошая там позиция для противотанкистов. Не стоит сразу все танки под их возможный огонь подставлять.

Мишкин танк по центру, второй-третий танки взвода оттянулись вправо-влево на сто метров,

и вперед, на максимальной скорости к хутору. Выстрелов от рощи нет. Может, и нет там никого? Хорошо бы. Рота подтягивается к хутору, обходит его справа-слева — и к роще. Твою ж!.. Вспышки-выстрелы с опушки. Суки. Искры от попаданий-рикошетов на броне танков.

— Вперед! Вперед! — орет по радио ротный.

До позиций немецких противотанкистов всего метров пятьсот. Не расстрелять их издалека. На равных придется перестреливаться. Так лучше рывком преодолеть эти сотни метров и гусьянками подавить немецких канониров. Мишка приник к МК-4¹. Что за черт? Пропала роща, не видно немецких пушек. Ага, это мехвод в ложбинку-промоину въехал. Удачно. Длинная ложбинка и выводит Мишкин танк во фланг, даже почти в тыл немецкой позиции. Получи фашист гранату! Ну, то есть осколочно-фугасный снаряд. Шесть спешно зарытых в землю пушек, столько же ганомагов с пулеметно-пушечными довесками в кузовах и до роты пехоты. Ну, ща мы вам! Выстрел. Еще. Еще. Пушки уничтожены, половина бэтээров горит. По радио переключка в роте. Два танка подбиты. Еще один застрял с разбитой гусьянкой. Рота продолжает давить немцев, а вырвавшегося вперед Мишке ротный отдает приказ идти дальше. Оставшихся немцев и так без него додают.

Мишка уводит свой танк вперед, на северо-запад, по опушке леса. Параллельно опушке идет грунтовка. Немцев не видно. Перекресток. Танк выскакивает на него. Мишка хотел дать команду мехводу заглушить движок, надо прислушаться, сориентиро-

¹ Командирский перископический прибор наблюдения на Т-34.

ваться, откуда слышны выстрелы немецких гаубиц. Хотел. Не успел. Взгляд вправо, на уходящую в лес дорогу-просеку. Опана. Прямая как стрела просека, а по ней ползут двенадцать грузовиков. Да не простых. Тащат на прицепе легкие 10,5-см гаубицы. Артдивизион немецкой танковой дивизии пытается найти себе позиции. Красавцы! Огонь по дальнему, чтобы не убегли. Есть! Заблокирована просека. Теперь с расстановочкой по затормозившим машинам. Один за одним шесть осколочно-фугасных, затем добавляем еще штук пять картечных. И нету боле у немецкой дивизии артдивизиона. Горит-коптит и взрывается-детонирует он. Победа? Нет. Задача была найти и уничтожить стреляющую артиллерию противника, а эта только на позиции выдвигалась. Продолжаем искать дальше. А что там с родной ротой? Где они застряли? Связь с ротным. Твою ж!.. «...Мать-мать-мать», — разносится радиоэхо. Не успела рота додавить немцев. Откуда ни возьмись выскочил на подмогу своим канонарам десяток приземистых «штугов». Против шести оставшихся в строю «тридцатьчетверок». Вернуться и с тыла помочь своим? Хрена! Ротный матерится и приказывает продолжить поиск немецких гаубиц. Приказ есть приказ. И Мишкин танк уходит дальше.

Лес закончился, дальше дорога километра полтора идет по полю. Вдали, слева от дороги опять лес. И вроде бы как из-за того леса и слышны звуки гаубичных выстрелов. Ну, что ж, рванули туда. Почти добрались до того леска. Навстречу выскакивают два мотоцикла. Наводчик и мехвод реагируют синхронно. Очереди из курсового и спаренного пулеметов дырявят железных коней и их седоков. Танк, не сбавляя скорости, плющит-давит металло-орга-

нические трупы. Опачки! Почти сразу из-за скрытого лесом поворота выскакивают два ганомага и две легких «праги». Вроде бы разведка или ГПЗ немецкой мотопехотной или танковой дивизии. Но что она делает позади своей же артиллерии? Или это уже дивизия второго эшелона выдвигается? Да похрен, некогда разбираться. В пять выстрелов советские танкисты разбираются с немецкой легкой броней. Суки! Последним разрешенным выстрелом чешско-немецкий танк сбивает «тридцатьчетверке» гусеницу. И нету удовольствия от того, что после этого почти сразу «прага» превращается в костер. Хуже нету темы, как оказаться в тылу у врага обездвиженным. Наводчик на всякий случай приглаживает горящий немецкий металлолом картечью. Экипаж, к машине! Наводчик на месте, бди! Мехвод, заряжающий и Мишка выпрыгивают из танка. Быстрей-быстрей! Катки, ленивец — целы. Уже хорошо. Только гусянку натянуть, заменив два разбитых трака. Делов-то. Сотню раз такое отработано. Но, блин, не в тылу у немцев! Нервы-эмоции! Лом-кувалда. Выбиваем пальцы¹ из разбитых траков. Запасные — на освободившееся место. Опять кувалда. Вбиваем-заколачиваем пальцы. Ослабляем ключом ленивец. Иначе гусянку не натянуть. Мехвод прыгает на свое место. Танк потихонечку сдает назад. Оп. Есть. Можно соединять гусянку. Ломиком Мишка с наводчиком приподнимают нижнюю ленту гусеницы, а выскочивший опять из танка мехвод кувалдой забивает в траки последний палец. Осталось подтянуть ленивец, натягивая тем самым гусеницу.

¹ Для гражданских «палец» — это такой металлический штырь, который вставляют в проушины двух соседних траков, тем самым соединяя их.

Молодцы. Перекрыли все нормативы. На учениях комбриг грамоту бы дал. А сейчас не надо экипажу грамоты, живы-здоровы, танк боеготов, и слава богу. По местам! Вперед-вперед! Там немецкие гаубицы ровняют с землей нашу оборону. И несется дальше одинокая «тридцатьчетверка». За поворотом дороги, справа в полукилометре деревушка. Там какое-то шевеление. Пехота немецкая между домами бегают. Притормаживаем. Закидываем туда три-четыре шрапнельки. В ответ? Ответа нет. Нету там у немцев артиллерии, ну хрен с вами. Не до вас Мишке сейчас. Потом разберемся. Газу-газу на звуки гаубичных выстрелов. Лес слева закончился. Поворот влево. По полю вдоль опушки. Там впереди ухают-бухают гаубицы. Километр по раскисающему полю, очередной изгиб леса, и вот они, родимые. Ага, сейчас будем учить вас рожать! И родят сейчас прусские канониры страх, ужас и фекалии. Двенадцать пятнадцатисантиметровых гаубиц расставлены в шахматном порядке на обширной поляне, под деревьями спрятались грузовики-тягачи со снарядами. Кипит работа. Бегают подносчики снарядов, командир дивизиона в штабном бэтээре приник к наушникам рации, командиры батарей орут команды-целеуказания, наводчики крутят маховички наводки, командиры орудий по готовности дают отмашку на выстрел. Дивизион ведет беглый огонь. Грохот выстрелов, дым от сгорающих в стволах зарядов, вязко-туманная морось с неба. Красота! Нет никому из фрицев дела до выскочившей к ним в тыл «тридцатьчетверки». Изумительно! Как на полигоне. Даже лучше. До самой дальней гаубицы и километра не будет, ближняя метрах в трехстах. Ну, начали. Пошла потеха. На шестом выстреле по броне танка

пошел перестук. Твою ж!.. Очередь из малокалиберной зенитки. Ага, увлекся Мишка. Не такие уж дебилы немцы, прикрывают они свою артиллерию от атаки с воздуха, да и по земле зенитная батарея работать может. Хорошо, что вроде бы ахт-ахтов здесь нет. Ну, что ж, маневр и скорость. И огонь. Из пулеметов, из пушки. Кидаем снаряды по всему, что шевелится, ответом получаем морзянку разрывов-рикошетов на броне. Только несколько минут длилась та беседа. Тридцать выстрелов и пять минут. И вот она — Победа!

Что удивительно — танк на ходу и в боеукладке еще кое-что есть. А немецкого дивизиона — нет. Орудия разбиты, грузовики весело горят и иногда разлетаются запчастями по округе от детонации сложенных в кузовах снарядов, штабной и радионный бэтээры превратились в сырье для мартепов или домн. Счастливые недобитки попрятались в лесу. Ну, что? Задача выполнена, что дальше? Связь с ротным. Рация хрипит и отказывается озвучивать что-либо членораздельное. Хреново. Антенну сбили гады. Ладно, обойдемся. Два дивизиона одним танком покروшили. Круть! Вот только у немцев в дивизии три дивизиона по штату. Третьего дивизиона пока не слышно. Пока. В любой момент он может начать стрелять. И где его искать? Погода портится. Облака все ниже. Из них сыпет мелкий дождь вперемешку со снежной крупой. И вся эта гадость у земли смешивается с поднимающимся туманом. Видимость меньше километра. Метров семьсот от силы. «Тридцатьчетверка» проходит по опушке леса и, развернувшись, уходит в туман. Мишка достает из планшетки карту. Где искать немцев? Ага, два-три километра на запад.

Там тупик узкоколейки и сходятся в одну две грун-товки. Может, там чего интересного увидим? Погна-ли. Перед тупиком и перекрестком холм. Танк заби-рается на него. Ни черта не видно. Туман. Не моло-ко даже — кефир. Мехвод глушит движок. Тыдыңц!

Со стороны узкоколейки гул множества работа-ющих двигателей. Грузовики? Танки? Не разберешь, пока не подъедешь. Помаленьку танк начинает спу-скаться с холма. Мишка, высунувшись из башни, напряженно вглядывается в туман. Хренак! Мишка от удара чуть не вылетел из люка. На дороге стоял ганомаг. Стоял. Теперь лежит на боку в придорож-ной канаве. Очумелый немецкий экипаж пытается выбраться из покалеченного драндулета. Мишкина рука ныряет в люк и выхватывает из укладки грана-ту. Получи «фашист» гранату! Неча поперек дороги стоять. Еще несколько метров вперед, и танк выка-тывается из тумана. Сколько же вас тут! Мамочки! На небольшом пятачке у у-образного перекрест-ка и расположенного рядом тупичка узкоколейки чуть не под сотню различных машин столпилось. По всей видимости, здесь разгружался с платформ стоящего здесь же эшелона тот самый третий диви-зион легких гаубиц. Машины немецких артиллери-стов забили собой пятачок вокруг перекрестка, а тут к перекрестку подошла своим ходом еще какая-то тыловая колонна. Не разъехаться тыловикам с ар-тиллеристами. Ну, ничего, сейчас мы вам поможем.

В боеукладке сорок пять снарядов осталось и девятнадцать дисков к пулеметам. Хватит ли на всех? Посмотрим. Картечь. Шрапнель. Осколоч-ные. «Тридцатьчетверка» стреляет с места. Мишка боится сдвинуться с занятой позиции. Уж очень она хороша. Тепло работающих немецких мото-

ров разогнало над перекрестком туман, и со склона холма прекрасно видна вся эта машинная толпа. Спуститься ниже — и будут видны только передние ряды, двинуться вправо-влево — опять провалишься в туман. Поэтому стоим на месте и с максимальной скорострельностью выпускаем в гигантский автозатвор снаряд за снарядом. И надеемся, что не смогут, не успеют немцы развернуть в сторону охреневшей «тридцатьчетверки» что-то действительно крупнокалиберное.

— Командир, остались только бронебойные! — раздается в наушниках шлемофона доклад заряжающего.

— Сколько?

— Двенадцать.

— Еще пять выстрелов, и дальше работаем пулеметами.

Но и диски подходят к концу. Два всего осталось. А у подножия холма — апокалипсис вперемешку с локальным армагеддоном. Но есть вроде бы еще не покалеченная техника внизу.

— Механик, вперед! Дави их гусеницами.

И продолжилась потеха. Нечего обозу противопоставить бронированной тридцатитонной машине. Рычит танк, трясет экипаж на превращаемых в блинчики европейских грузовиках, разбегаются в панике обозники. Уф, прошли насквозь дымяще-горящую автосвалку. Разворот. Повторим. И вот Мишкин танк опят на холме. Смотрит Мишка на дело рук экипажа, пушки и гусениц танка и глазам своим не верит. И это все мы? Как в рапорте это все описать? Какой штабной в это поверит? Писаря засмеют-здразнят, ославят фантазером. Ну, да ладно. Перетопчемся.

Снаряды на исходе, но с топливом пока еще все в порядке. Возвращаемся. Остатки своей роты Мишка встретил у той деревеньки, что он обстрелял перед уничтожением дивизиона тяжелых гаубиц. 11-я гвардейская стрелковая дивизия, перемолов немецкие «Панцеры» и самоходки, перешла в наступление и к исходу дня дошла до того самого узкоколейного тупичка. Командиры и штабные были удивлены до охрещения, но кучи дымящегося металлолома подтверждали доклад гвардии лейтенанта Михаила Александровича Васина. Весь экипаж танка был представлен к званию Героя Советского Союза¹.

*21 марта 1943 года, г. Борисов,
временно оккупированная территория
Белорусской ССР*

Прошло уже четыре дня, как командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ханс фон Клюге² вернулся из Берлина. Целую спецоперацию пришлось придумывать для вполне себе рутинной в недавнем времени поездки. Сначала за фельдмаршалом из Берлина прислали личный

¹ Фантастика? Отнюдь! Такой бой был в реальности. Только в декабре 1943 года и не под Минском, а под Витебском. Гвардии лейтенанту Михаилу Александровичу Васеву (1919—1999) за тот бой было присвоено звание Героя Советского Союза, а члены экипажа получили ордена Славы. К сожалению, автору не удалось разыскать фамилии членов экипажа этой отморозенной «тридцатьчетверки».

² Ханс Гунтер Адольф Фердинанд фон Клюге (30.10.1882—19.08.1944) — германский военачальник, генерал-фельдмаршал (1940), в 1941—1943 гг. — командующий группой армий «Центр». После провала покушения на Гитлера в 1944 году отравился, по другой версии — убит с инсценировкой самоубийства после ареста.

«Кондор» фюрера, но сам вид огромного самолета над лесами, заполненными русскими бандитами и диверсантами, подсказал русскому командованию, что на борту авиалайнера будет что-то интересное. Парни из Абвера настоятельно не рекомендовали лететь в Рейх этим бортом. И оказались правы. Когда фельдмаршал вылетел в Берлин на высотном разведчике Ю-86R-1, одновременно в Германию был отправлен и борт фюрера в сопровождении двух истребительных эскадрилий. И что бы вы думали? Русские как будто ждали. «Кондор» и еще чертова дюжина самолетов сопровождения были сбиты русскими истребителями в окрестностях Минска. Обратно, в котел, Клюге, естественно, тоже вернулся на том же высотном «Юнкерсе».

Честно говоря, фельдмаршал ничего хорошего от вызова в Берлин не ждал. Скорее всего, снимут с должности. Как же — провалил наступление на Киев и допустил окружение своей же группы армий. Конечно, по сравнению с катастрофами на юге и в Прибалтике положение группы армий «Центр» не так печально. Ага. Она еще существует! Так что концлагерь фельдмаршалу, скорее всего, не грозил. Отправят на пенсию, ну и ладно.

Но, к удивлению Клюге, фюрер почти не предъявлял претензий к фельдмаршалу, ведь он стал заложником предательства командования южной и северной группировок вермахта. Теперь вся надежда рейха на стойкость и мужество самой мощной группировки вермахта. Группу будут выручать. Воздушный мост уже действует. Вермахт готовит деблокирующие удары. Этими же ударами должна быть окружена и разбита группировка русских к западу от Минска. Сразу после разблокирования же-

лезнодорожного сообщения между рейхом и группой армий в группу пойдут пополнения и новая техника, новые танки Т-V и Т-VI, новые самолеты. Сейчас усилить группировку люфтваффе в котле нет возможности. Самолеты-то прилетят, но запаса горючего там для вновь прилетевших просто нет. И задача на перспективу — как только высохнут дороги, мощным ударом от Смоленска пробиться к Москве. Клюге успех такой операции расценивал весьма скептически. Нам бы кольцо окружения прорвать! И вообще, фельдмаршал уже не первый месяц подумывал о том, что пора бы уже прекращать эту войну. Пока вермахт еще стоит на территории Советов, можно с ними поторговаться. Дальше будет только хуже¹. Гитлеру Клюге, естественно, про свои скептические думки не рассказывал, но, наслушавшись пустых восторженно-оптимистических обещаний-призывов, почти решился начать деятельно помогать группе заговорщиков, о которой он знал, но пока не участвовал в ее деятельности. Почти решился. Почти.

— Нам надо продержаться в России шесть месяцев, максимум до конца года — и победа у нас в кармане! — восторженно воскликнул тогда фюрер. — И вы, фельдмаршал, должны дать рейху эти полгода!

¹ В РИ — штаб (часть офицеров штаба) группы армий «Центр» стал одним из организационных центров по подготовке заговора против Гитлера. Правда, заговорщики собирались замирииться с Англией и США и совместно с ними продолжить войну с СССР. В АИ — заговорщики, видя, что даже союз с Англией не особо сказывается на выправлении катастрофического положения на Восточном фронте, начали задумываться над скорейшим заключением мира с СССР, с тем чтобы сохранить хотя бы европейские завоевания рейха.

— Так точно, мой фюрер! — Солдафонским ответом Клюге попытался замаскировать сомнения и скепсис.

Гитлер все же был неплохим психологом и заметил неуверенность фельдмаршала.

— К осени у нас будет оружие нового поколения! Наши ученые разработали мощную ракету, которая сможет поражать противника на дистанции в несколько сотен километров, а может быть, и в тысячу! Благодаря нашим английским союзникам у нас теперь в достатке урана, и к той же осени у нас будут бомбы невиданной мощности. Один бомбардировщик или одна ракета сможет уничтожить целый город!

Опять вундерваффе? Все у нас будет, только позже... Вот только это «позже» никак не наступит. Скепсис фельдмаршала не проходил. Но... после встречи с фюрером Ханса Клюге отвезли на экскурсию на ракетный завод и завод по обогащению урана. Фельдмаршал ничего там не понял, кроме того, что денег и ресурсов в новые проекты вбухано немерено. А вот разговоры на тех заводах с учеными-конструкторами-инженерами все же смогли рассеять скепсис фельдмаршала. Похоже, действительно, если ракетный и урановый проекты сработают, то у рейха есть шанс выпутаться из печального положения и даже появится шанс на победу в войне с русскими. Главное, чтобы у русских не было аналогичных проектов.

Вернувшись в котел, командующий, кроме подготовки к прорыву кольца окружения, стал готовить войска не к очередному походу на Москву, а к активной обороне. Зачем нам Москва? Если через полгода мы ее все равно сожжем урановыми бомбами и ракетными ударами.

За пару дней прорыв из котла не подготовить. Естественно. Естественно, прорыв начали готовить в тот самый день, когда замкнулось кольцо окружения. Но легко нарисовать стрелочки на картах, можно пофантазировать и подписать под этими стрелочками номера соединений, а вот перебросить эти соединения к месту, с которого начнется удар, — сложнее, еще сложнее обеспечить эти соединения всем необходимым для этого удара. Особенно сложно это, если соединения находятся внутри кольца окружения и с ресурсами не очень...

Ресурсы-ресурсы. В группе армий «Центр» на начало весны 43-го года было около семи сотен танков, это не считая тех, что должны были повернуть на Украину. (Хотя уже их и не считали. Сгорели «Панцеры» во встречных боях во время русского прорыва к Минску.) Моща! Половина из них легкие. Ну... иногда легкий танк может быть полезнее медлительного тяжелого, особенно если этот легкий танк окажется в тылу противника. К сожалению, о рейдах по не готовым к обороне русским тылам пока не приходится даже и мечтать. Печально другое. Почти половина всех наличных танков группы выработала свой моторесурс и может быть использована только как неподвижные огневые точки. И почти все эти неподвижные танки в восточном секторе обороны группы. Отремонтировать? Теоретически можно. Специалисты есть. Нет моторов и КПП. Можно самолетом привезти. Можно. Только при грузоподъемности основного транспортника люфтваффе Ю-52 в полторы тонны в каждую «тетушку Ю» поместится не более одного опять же основного танкового мотора фирмы «Майбах». За коробкой передач надо посылать

еще один самолет. Итого, чтобы поставить на ход все танки, надо будет совершить семь-восемь сотен авиарейсов. И это при том, что рейх совместно с Англией смогли наскрести всего шесть сотен транспортников для воздушного моста. Всего около тысячи тонн грузов в лучшие сутки доставляется на аэродромы котла. При ежедневной потребности в снабжении группы армий под пятьдесят тысяч тонн. Остановить этот слабенький ручеек на пару дней ради восстановления подвижности танков? Можно. Но с учетом хреновой, откровенно нелетной погоды, что установилась почти над всей Белоруссией с начала марта, — нереально. Хорошо, если в один день из трех получается принять заявленное число бортов. В остальные дни летают только особо опытные экипажи — дай бог тридцать-пятьдесят машин в сутки. Так что ручеек снабжения надо будет прикрывать ради танковых моторов на неделю или даже больше. Нет, нереально это. Так что неподвижные танки пуцай стоят в своих окопах до лучших времен.

Остается еще три с половиной сотни танков. Тоже неплохо. Только вот они опять, черт возьми, на самом востоке котла. По местным дорогам это под пятьсот километров своим ходом до Минска. Все, что доедет до Минска из-под Смоленска, Витебска и Рославля, будет практически не боеспособно — закончится моторесурс и у этих путешественников. И это не говоря о прорве топлива, которое необходимо для такого марша. А с топливом все печально в котле. Так зачем своим ходом? Отправить по железной дороге. Свинская собака! Зачем вспомнил? Отправили из Орши эшелон с четырьмя десятками «четверок» в Минск. Сучьи бандиты!

Отправили этот эшелон под откос. Да еще и место выбрали такое... Хрен туда на чем подъедешь. Кругом болота. Танки лежат под насыпью и медленно погружаются в болото. Два дня пытались туда подогнать железнодорожные краны. Так бандиты на эти три крана настоящую охоту устроили. Когда на вторые сутки один из кранов все же добрался до места диверсии и собрался начать поднимать-вытаскивать танки из болотной жижи, прилетели русские бомбардировщики. Отбомбились так, что поднимать что-либо из болота стало бесполезно. Да и саму насыпь пути с болотом сровняли. Неделю уже саперы возятся — не могут восстановить движение на линии Минск — Орша.

И кабы это было все. Был еще налет тяжелых американских «крепостей» на Могилев. Там, кроме сгоревших армейских складов, был выведен из строя весь железнодорожный узел. И повезло же! Как раз в это время там в эшелон грузился сводный танковый батальон. Десять «четверок», двенадцать «троек» и восемь почти новых «тигров» было списано в утиль после этого налета.

Вот и осталось в группе армий двести семьдесят шесть боеспособных танков. 15 — «Тигров», 4 — «Пантеры», 98 — «четверок», 103 — «троек», 49 — чешских «Праг» и семь штук пока еще едущего франко-шведского барахла. Из всего этого богатства отобрали полторы сотни наиболее не потрепанных, закинули им на борт спешно снятые с других танков запчасти и агрегаты, заправили топливом, собираемым канистрами по всем частям группы, и отправили ночными маршами к Минску. Дошло 124 танка. Бандиты-диверсанты из местных дремучих лесов никуда не делись. Диверсии-обстрелы

сопровождали танковые колонны буквально на каждом километре. Хорошо, хоть почти все потерянные танки из числа «троек» и «праг». Все доехавшее до Минска «панцервоинство» спешно отремонтировано и обслужено.

Но есть же еще в частях «штуги». Почти шесть сотен. Так с ними та же ситуация, что и с танками. Выработка ресурса, отсутствие запчастей, хронический недостаток топлива. Тот же вид, только в профиль. И особо из частей их не заберешь. На «штугах» вся оборона держится. Изымешь их, и посыпется оборона. Так что к Минску удалось только семьдесят пять самоходок перебросить.

Если бы все проблемы группы армий «Центр» ограничивались только недостатком ресурсов! Русские! Нация бандитов и варваров! У русских абсолютно отсутствует понятие о правилах войны! Над городами и деревнями, находящимися под контролем группы, миллионами разбрасываются листовки, обращенные к аборигенам, особенно к аборигенам, проявлявшим сознательность и оказывающим помощь оккупационной администрации. Вот как это понимать? «Если ты хочешь искупить вину перед Родиной — приведи с собой в партизанский отряд двух пленных немцев или принеси две немецкие солдатские книжки и две головы этих солдат». И так низкие моральные качества местных полицейских формирований после окружения упали ниже плинтуса. А тут еще это. Полицаяи и хиви массово дезертируют и уходят к партизанам. Так же массово начали пропадать военнослужащие из тыловых служб и гарнизонов. Страшно подумать об их судьбе.

Приказ об изъятии у местного населения продовольствия для пополнения армейских запасов

не выполняется. Почти все деревни опустели. Жители массово уходят в лес к партизанам, угоняют туда же остатки домашнего скота, уносят с собой или уничтожают запасы продуктов. Теперь в деревнях даже охапки сена для лошадей не найти. В воздухе стоит смог от сжигаемых стогов-сеновалов. Как можно воевать в такой стране?

А тут еще Зейдлиц!¹ Предатель! Лично лазит по русским окопам и через громкоговоритель призывает солдат вермахта сдаваться в плен. Передовая просто завалена листовками с призывами сдаваться за подписью этого предателя. Конечно, по большей части эти листовки используются вместо пипфакса или для розжига костров. Но... Ежедневно в подразделениях на передовой недосчитываются по несколько сотен солдат². Зафиксированы случаи,

¹ Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах (22.08.1888—28.04.1976) — немецкий военачальник, генерал артиллерии (1942). Во время Сталинградской битвы командовал 51-м корпусом в армии Паулюса. После окружения 6-й армии выступал, вопреки приказам Гитлера об удержании Сталинграда, за немедленный прорыв. В РИ — 25 января 1943 года посчитал, что возможности для сопротивления исчерпаны, и разрешил подчиненным ему командирам самостоятельно сдаваться в плен. Сдался в плен 31 января вместе со штабом 6-й армии. В плену, считая, что в гибели 6-й армии виноват Гитлер, сразу пошел на сотрудничество с НКВД. Осенью 43-го года был организатором «Союза немецких офицеров» и стал его председателем. Чуть позже стал заместителем председателя прокоммунистического национального комитета «Свободная Германия». Принимал активное участие в пропагандистских антифашистских мероприятиях Советского командования.

² Существуют различные оценки. Но, плюс-минус лапоть, можно сказать, что в РИ от половины процента до двух процентов солдат вермахта, попавших в плен, сделали это добровольно. Для двухмиллионной группы армий «Центр» — это от десяти до сорока тысяч человек, или одна-три дивизии. Есть от чего за голову схватиться командующему.

когда русские отпускают пленных солдат, после чего те переходят линию фронта и ведут агитацию в своих подразделениях. И только в единичных случаях такие предатели-перебежчики сдаются сознательными солдатами своему командованию¹.

С авиацией совсем плохо. Горючего нет. И когда небо позволяет летать, русские резвятся над позициями группы как хотят. С земли им помогают находить цели русские же диверсанты. Поначалу пытались бороться с такими авианаводчиками. Пеленговали их радиостанции. Но опять «но»... Очень часто вместо русского радиста егеря находили в каком-нибудь сарае или под пеньком в лесу работающую в автоматическом режиме радиостанцию, вдобавок еще и заминированную. Русские откровенно издеваются. По ночам их легкие бомбардировщики засеивают леса и поля такими рациями. И поисковые группы сбиваются с ног, гонясь за такими пустышками. Да, с ног сбиваются. Буквально! Ведь в тыловых частях почти не осталось исправного автотранспорта. Если еще несколько месяцев назад бандиты вели, как они сами говорили, «рельсовую войну», то теперь к этому добавилась «моторная война». Бандиты почти перестали вступать в боестолкновения с частями по охране тыла и с полицейскими подразделениями. Они устраивают засады на автотранспорт. Массово. Нет, больших потерь в личном составе такие засады не приносят. Там всего-то пять-десять выстрелов

¹ И опять не фантастика! Реальность. Советское командование практиковало такую работу. Особенно часто это использовали на северо-западе советско-германского фронта в 43—44-х годах. И как ни странно, действовало. Ротами немцы, конечно, не сдавались, но зафиксированы случаи, когда один «агитатор» приводил с собой для сдачи в плен по 10—15—20 сослуживцев.

со стороны бандитов. И все эти выстрелы нацелены в моторы машин. Одна засада, и одна-две-три машины начинают ждать поставки нового двигателя из рейха. Мелочь? А если таких засад несколько сотен в день? И что в результате? В результате почти всякое движение транспорта вне больших колонн парализовано. Большие колонны тоже не спасение. Русские диверсанты не упускают возможности наводить свою авиацию на такие колонны. Прикрыть-то с воздуха эти колонны нам почти нечем.

А как и чем может помочь рейх окруженным? Ну, кроме воздушного моста. В Лиде и Слуцке закончили подготовку к удару на Минск два смешанных германо-британских танковых корпуса. По двести шестьдесят английских, немецких и чешских танков и сто десять САУ в каждом. Да, сто десять САУ, не «Штугов»! Потому что почти вся самоходная артиллерия в этих корпусах представлена английскими самоходными орудиями на автомобильном шасси¹. А куда же делись «Штуги», что продолжают клепать заводы рейха и протектората? Они идут на формирование 1-го танкового корпуса СС «Адольф Гитлер»!² Два тяжелых танковых батальона по 45 «Тигров», моторизованная дивизия с двумя танковыми батальонами по 47 Т-IV в каждом и двумя артдивизионами по двадцать «Штугов»

¹ В РИ — более-менее вменяемые бронированные гусеничные САУ в английской армии появились к концу 43-го года. В АИ — ситуация аналогичная. САУ на автомобильном шасси — это просто грузовик с противотанковой пушкой в кузове, иногда даже без противоосколочного щита.

² В РИ — корпус начали формировать в середине лета 43-го года. В основном действовал против союзников на Западном фронте. На советско-германский фронт попал только в начале 45-го года.

в каждом, и еще одна моторизованная франко-бельгийская дивизия с танковым полком в восемьдесят легких танков, собранных по арсеналам различных стран Европы, и опять же с двумя артдивизионами «штугов». И это все сполна обеспечено топливом и боеприпасами. Правда, корпус СС не успевает к началу прорыва кольца окружения. Не все еще подразделения прибыли в Вильнюс, где формируется корпус, не вся еще техника поставлена. Чертовы американцы! Поставили русским уйму «летающих крепостей». И эти «крепости» напрочь вынесли Варшавский и Кенигсбергский железнодорожные узлы. Не справляется рейхсбанн с перевозкой новейших танков с заводов к фронту. В общем, 1-му танковому еще дней пять-семь-десять надо для обретения окончательной мощи. Может, стоит подождать эту неделю? И тогда как скопом навалимся на большевиков. Не, не катит. Судя по всему, русские готовят еще один удар к востоку от Минска, на Борисов, с тем чтобы отсечь Минский гарнизон от восточной части группы армий. И удар этот, по докладам разведки, планируется уже дня через два-три. Надо опередить русских. Сегодня ударим. Одновременно с ударом смешанных корпусов от Лиды и Слуцка.

Фельдмаршал отхлебнул кофе из походной кружки и взглянул на часы. Четыре утра. Два часа до начала. За час до рассвета начнется!

По замыслу, перед началом удара по русским позициям должна была отработать авиация. Англичане наконец-то перегнали в генерал-губернаторство и в Восточную Пруссию почти три сотни своих тяжелых бомбардировщиков. Не пикировщики они, конечно. Не так эффективны по полевым позициям. Ну а что делать? Слишком велики в последнее вре-

мя потери люфтваффе, не справляются заводы пока с восполнением потерь. Всего восемь десятков «Штут»¹ по ту сторону кольца смогли собрать. Но с авиатехникой — опять неправа. Отвратительный прогноз от метеорологов. Если что и сможет взлететь с аэродромов, то все равно ни черта с воздуха на земле не увидит. Так что работаем без авиации. Но ведь и русские без нее будут. И это — гут!

Но чем же заменить авианалет? Чего тут голову ломать. В Минске почти шестьдесят тысяч разноплеменной легкой пехоты сидит. Половину оставим для поддержки удара наших танков. А половину сажаем на собранный по округе транспорт. Нашлось в Минске три сотни различных авто. Реквизировали-мобилизовали их по разным конторам. На крыши-кузова прикручиваем-привариваем крупнокалиберную стрелковку и малокалиберную артиллерию. И отправляем за сутки до главного удара на русские позиции. Вряд ли они смогут прорваться. Нет у них шансов. Зато разведывают-расчищают минные поля, выставленные русскими. Проредят их противотанковую оборону. Заставят большевиков потратиться боеприпасами и топливом. Опять же кого-нибудь эти европейские недовояки подстрелят на русских позициях. В плен сдадутся? Так и то хорошо. Русским придется эту толпу охранять-конвоировать, а это опять же отвлечет какие-никакие силы. Ну а все оставшиеся на поле боя подбитые эрзац-САУ дадут сегодня нашим танкистам поближе к русским позициям подобраться.

Да, удар сегодня будет только один. Навстречу корпусу, идущему от Лиды. Нет у нас сил в две сто-

¹ Пикирующий бомбардировщик Ю-87.

роны из котла бить. Почему? Простая арифметика. Плотность танков на направлении главного удара для гарантированного прорыва подготовленной обороны, а русские ведь подготовились, должна составлять 50—70 машин на километр фронта. Это еще в 40—41-м установлено. Даже если мы и «Штуги» за танки посчитаем, то на круг получим 199 единиц бронетехники. Семьдесят бэтээров, которые тоже пойдут в прорыв, за бронетехнику, конечно, можно посчитать, но вот не пляшут они при прорыве первой линии обороны, их роль сугубо второстепенная и подчиненная. Так что округляем число доступной брони до двухсот и считаем-делим. Получается три-четыре километра по фронту удар может быть. Если на две части разделить, то совсем узенько будет — полтора-два километра. Такой прорыв русские, не напрягаясь, подрежут у основания. Так что бьем в одном месте. Ударим в самом тонком месте. Там от Ратомки до Ракова и двадцати километров не будет. На остальных участках кольцо толщиной от пятидесяти до стапятидесяти километров доходит. Из Слуцка же пушай корпус сам на Минск пробивается. Помолимся за его успех.

*21 марта 1943 года,
г. Заславль, Белорусская ССР*

Миновала полночь. Уж часа три как миновала. А в штабе 60-й армии такое ощущение, разгар рабочего дня. Деловая суета. И легонький нервный мандраж. Как тут не мандражировать? Разведкой вскрыто намерение немцев ударить по позициям армии с двух сторон одновременно, и изнутри и снаружи кольца. Не сложно это было вычислить. Ведь сами

же и подставлялись, намеренно не расширяя кольцо окружения. Сами старались создать впечатление у немцев, что здесь, на участке, обороняемом 60-й армией, самое удачное место для прорыва. И немцы купились. Соскребли со всего котла последнюю боеспособную бронетехнику и готовы ударить. Ударят ли? Ударят! Достоверно установлено, что дезинформация о готовящемся отсечении Минска от остального котла дошла до адресатов в немецких штабах. И скушали ее немцы. Спешить им надо. Ударят обязательно. Но вот устоит ли армия?

Командующий армией генерал-лейтенант Иван Черняховский глотнул отличного трофейного кофе из простой пролетарской, слегка подкопченной жестяной кружки. Отличную арабику два дня назад принесли вернувшиеся из рейда-поиска армейские разведчики. Ходили они к Лиде, посмотреть, как там очередной, спешно сформированный немцами корпус готовится к наступлению. Вот в ходе рейда и подфартило группе прихватить английского интенданта-полковника. Английское чудо-юдо надумало прокатиться по лесной белорусской дорожке всего лишь на одном джипе. При наглom британце нашли довольно интересные документы по снабжению английской моторизованной дивизии, входящей в лидский корпус, и десятикилограммовый мешок с итальянской обжарки кенийским кофе. Вот и командующему кофейку перепало.

Накануне Клюге смог удивить генерала. Минск и его окрестности были очень плотно взяты под контроль партизанами-подпольщиками. И фронтовое, и армейское командование было в курсе всех более-менее значимых немецких движух. От взглядов подпольщиков не укрылось повальное изъятие

всего еще не используемого вермахтом авто- и тототранспорта. Не укрылось и то, что этот транспорт передается в дивизии новых союзников Германии. Черняховский полагал, что это сделано просто для повышения мобильности этих дивизий. А оказалось, вон оно что. Сутки назад посаженные на грузовики, автобусы, трактора и легковушки франко-бельгийские части пошли в атаку по подмерзшим за ночь полям на позиции армии. Поначалу в штабе 60-й армии даже растерялись. Что это? Думали, что немцы на сутки раньше пошли на прорыв. Но ведь корпус из Лиды еще не подошел. Разумнее ведь ударить одновременно с двух сторон. Что за чудачество? Но утром, когда командующий лично съездил к тому полю, где пожгли датско-норвежское автововинство, он понял задумку немецкого фельдмаршала. Поле часто почти в правильном шахматном порядке заставлено сгоревшей техникой. И эта техника будет идеальным укрытием для подбирающихся к нашим позициям немецких танков и пехоты. Немцы смогут, прикрываясь этими авторуинами, подойти к первой линии окопов почти вплотную.

Нет у немцев сейчас тут, под Минском, серьезной артиллерии. Снарядный голод в котле. Вот и не потащил Клюге из-под Смоленска сюда гаубицы в товарном количестве. Всего пару батарей легких гаубиц наши разведчики засекли рядом с предполагаемым местом удара. Так что нечем немцам будет бороться с нашей артиллерией, когда та начнет долбить по наступающим. Вот и придумали арийцы, как уменьшить свои потери до выхода к советским позициям.

Молодой генерал склонился над картой. Медитация. Ожидание. Все уже было продумано-пере-

думано. Все подготовлено. Остается только ждать и не дергать подчиненных.

Без стука зашел начальник разведотдела армии.

— Секреты, выставленные на поле под Ратомкой, зафиксировали инженерную разведку немцев.

— ?

— Поползали между подбитыми машинами и, естественно, убедились, что мин там нет.

— Что еще?

— Получены условные сигналы от двух разведгрупп. В рощах между Подгрушево и Ярково, — разведчик подошел к расстеленной на столе карте и ткнул пальцем в минские предместья, обозначенные как места сосредоточения немецкой группы прорыва, — слышны шумы заводимых двигателей.

— Не засекут твоих ребят? — Риторический вопрос, командующий и так знал, что вряд ли засекут, у разведчиков была короткая таблица условных сигналов, всего пару цифр морзянкой надо отстучать, в зависимости от того или другого действия немцев.

— Не, не успеют запеленговать. Самые опытные.

— Ладно. Ждем.

Должен поступить еще один сигнал. О том, что немцы начали выдвигаться. Вот тогда и начнется представление.

В армию на войсковые испытания передали новые «катюши». БМ-31-24¹. Немецкие «трешки» без башни. Вместо нее пусковая установка — три

¹ В РИ — Гвардейские реактивные минометы БМ-31-12 калибра 300 мм на шасси американских «студебеккеров» появились в войсках летом 1944 года. Реактивные 300-мм снаряды М-30 и М-31 применялись РККА с 1942 года, их пуск тогда осуществлялся с установленных на землю пусковых контейнеров. В АИ — в связи с большим количеством доставшейся РККА трофейной бронетехники часть ее была использована для установки на ней пусковых установок снарядов М-31.

ряда по восемь направляющих. М-31 — мощный боеприпас, но не панацея. В комплекте с новыми гусеничными «катюшами»¹ шли новые снаряды. М-32-М и М-33-ОЗ². М-33 — адаптация под трехсотмиллиметровый снаряд уже применявшихся в РККА объемно-детонирующих боеприпасов. Посмотрим, как они сработают. Но их очередь — вторая. Первые сегодня М-32. Вес почти 110 килограммов. Дальность стрельбы — 7 километров. Вес боевой части — 60 килограммов. И БЧ особенная. Кассетная. Спрятано в ней аж десять пятикилограммовых противотанковых мин. При подлете к месту назначения БЧ раскрывается и за счет вращения разбрасывает мины. Может противопехотки раскидать, а может, как в этот раз, — противотанковые. Правда, слабенькие мины эти, едва хватит ее мощи, чтобы гусеницу порвать³, но нам сейчас большего и не надо.

— Получен сигнал. Пошли танки, — вбежал в кабинет командующего офицер разведотдела.

Черняховский снял трубку полевого телефона:

— Дай мне Тополя.

— Тополь, здесь Роща. Урал, повторяю — Урал.

— Роща, здесь Тополь. Принял. Урал.

Через несколько минут до штаба армии докатились раскаты грома. Две батареи обычных «катюш» отстрелялись обычными РСами по выдвигающимся немецким танкам. Зачем? Урон ведь от такого

¹ В РИ — БМ-31-12 получил в войсках прозвища «андрюша» и «лука мудищев» за весьма характерную форму снаряда М-31. В АИ — это прозвище еще не в ходу.

² В РИ — в описываемое время таких снарядов не было.

³ Общепринятый вес фугасной противотанковой мины в описываемое время — 10 кг (плюс-минус).

залпа по танкам невелик. Ну, так, чтоб не расслаблялись. И заодно этими залпами прикрыли звук стрельбы четырех полков тяжелых гвардейских минометов. Четыре полка по 24 БМ-31 в каждом. Две тысячи триста четыре снаряда высыпали на поле перед немцами более двадцати трех тысяч мин. Первое в своем роде дистанционное минирование¹.

Генерал перешел на узел связи. С позиций на внешнем кольце окружения тоже идут доклады. И там немцы зашевелились. Началась артподготовка. И наша, и немецкая. Немцы бьют по нашему переднему краю, наши — пытаются нащупать немецкие батареи. Нелетная погода подгадила. Нет, в какой-то степени она помогала. Скрытно от противника перебросить-сконцентрировать силы и средства. Но вот проблема. Немецкие 15-см и 10,5-см гаубицы имеют дальность стрельбы 12—13 километров. У наших — 152-мм М-10 и 122-мм М-30 — на километр-полтора меньше², добавить, вернее, отнять еще полтора-два километра, на которые были удалены наши орудия от передовой, и получаем разницу по дальности в три-четыре километра. Немцы могут по нашей передовой стре-

¹ Кассетные боеприпасы в описываемое время уже применялись обеими сторонами. Люфтваффе имело на вооружении кассетные бомбы, которые могли снаряжаться противопехотными минами. Но вот наземные системы дистанционного минирования в РИ появились только в 70-х годах XX века. Однако технологии 40-х вполне позволяли объединить кассетную бомбу и реактивный снаряд. Вот ГГ и подсказал.

² Ага, была такая проблема по основной артиллерии поля боя. Положение изменилось только в конце 43-го года с принятием на вооружение 152-мм гаубицы Д-1 с дальностью стрельбы 13,7 километра.

лять. Мы можем по наступающим немцам работать, а вот достать немецкие батареи уже не можем. Для контрбатарейной борьбы нужны большие калибры, но их не успели сюда доставить. Вот и была надежда на авиацию. Но... Печаль... Впрочем, и немцам несладко. Не получится у них при ударе снаружи навалиться здесь всем скопом и прорвать нашу оборону. Им придется наступать с запада на восток вдоль наших позиций у реки, последовательно пытаясь подавить нашу оборону на пятнадцать километров речного берега. Подавят одну позицию, а переправляться на наш берег бессмысленно. Пехота-то там ихняя пройдет, а вот какая-либо техника — нет. Лесистые болота и заболоченные леса позади наших позиций. Не пройти, не прорваться там немцам к Минску. Обойти эти наши позиции севернее, конечно, можно, но этот обход обернется выходом на более «толстый» участок обороны. Там, восточнее, ширина кольца окружения резко возрастает до 70—150 километров. Так что лучше попытаться здесь. 20 километров лучше, чем 100. И к тому же из кольца здесь еще будет удар.

На внешнем кольце организована, так сказать, «классическая» оборона. Минные поля, инженерные заграждения, противотанковые опорные пункты, усиленные самоходками, огневые мешки-засады, танки в резерве в достаточном количестве. Сил отбиться должно хватить. А вот на внутреннем кольце предполагается эксперимент.

Немецкие танки, уверенные в отсутствии минного поля, бодренько пробираются к советским позициям, прикрываясь подбитыми машинами. Наивные. Мины уже встали на боевой взвод. То там, то здесь раздаются хлопки. Ничего серьезного.

Гусеница перебита. Минут десять-двадцать возни, и танк опять готов к бою. Благо мины слабенькие и не способны повредить катки. Танки идут не все скопом. Атака эшелонирована.

Впереди десять «четверок» — их задача вызвать на себя огонь русских противотанкистов. Сразу за ними все «Тигры» и «Пантеры» — девятнадцать штук, — они должны вынести советскую противотанковую артиллерию. В третьей линии, самой многочисленной, сорок «Штугов» и столько же «четверок» — они нужны на случай, если появятся советские танки. За ними тремя волнами пехота-мотопехота и остатки местного танкового изобилия. Тылов-обозов, ясен пень, нет. Всего-то надо пройти сегодня двадцать километров по русским позициям, плюс еще пять до них. Из-за частых подрывов движение замедляется, боевые порядки наступающих уплотняются.

Первые бронированные неподорвавшиеся «счастливчики» выкатываются практически вплотную к советским позициям. Триста-пятьсот метров до них. Атака! Огонь! Атака? Огонь? Ага, огонь!

Полки БМ-31 после первого своего залпа успели уже сменить позиции. На новых — их ждут транспортно-заряжающие машины¹. Несколько минут на зарядание, и полки готовы к залпу. Залп. В этот раз стрельба ведется объемно-детонирующими снарядами.

Немецкая группа прорыва на момент залпа «катуш» располагается на поле размером в четыре ки-

¹ Под ТЗМ были приспособлены трофейные полугусеничные бронетранспортеры. В кузов «ганомогов» были смонтированы стеллажи для снарядов и электромеханический кран-манипулятор.

лометра по фронту и два-три — в глубину. Двенадцать миллионов квадратных метров. Жуть! Много!

Один реактивный трехсотмиллиметровый снаряд с объемно-детонирующей БЧ накрывает огнем площадь около пяти тысяч квадратных метров. 70 на 70. Перемножаем на 24 ракеты в одной «катуше», на 24 «катуши» в полку и на 4 полка. Опана! Одиннадцать с половиной миллионов квадратных метров сплошного огня и кошмарных перепадов давлений. Почти никто не ушел от теплого приема советских гвардейцев-минометчиков.

Танки-бэтээры встали все. Не могут они пока защитить экипаж от объемного взрыва. Большая часть танков после остановки еще подбавила огоньку в локальный армагеддон, полыхнув детонацией своих снарядов. Пехота превратилась в россыпь поджаренных трупов. Почти вся! На некоторое время повезло тем, кто приотстал. Тысячи полторы арийцев и других европейцев не попали под пламенный привет советских ракетчиков. И ломанулись они назад, к Минску. Но вот незадача. На их вроде бы спасительном пути на всякий случай уже успели занять позиции заградительные отряды¹. Пулеметные очереди встретили «счастливчиков». Да ну на фиг, что им были пулеметы после того, что они видели-пережили. У них тоже кое у кого были пулеметы. Только через полчаса удалось остановить перестрелку. Потом, уже когда Минск был освобожден, из допросов военнопленных выяснилось, что из той атаки-разгрома живыми вышли только около двух сотен. Из почти тридцати пяти тысяч попытав-

¹ Заградотряды в вермахте применялись не реже, чем в РККА, а может быть, и чаще.

шихся прорвать оборону Красной армии. Интересно, кого будут в будущем винить Париж-Брюссель и Осло с Копенгагеном в геноциде, европейских пассионариев? Сталина или Гитлера? Ключе или Черняховского?

*21 марта 1943 года,
г. Москва*

Следственно-ментовские мероприятия у меня на квартире закончились часам к двум ночи. К тому же времени жэковские сантехники смогли восстановить порушенную налетчиками систему отопления. Соседей снизу, конечно, подтопило кипятком, но никто особой трагедии из этого не делал. Хорошо — не бомба в дом попала. Квартиры все здесь — служебные. ЖЭК все размокшее-протекшее починит. Чего переживать-то?

Смершевцы, уходя, договорились с комендатурой, и для моей охраны на всякий случай до утра выделили троих патрульных. Я тяпнул на кухне с давешним мужиком в галифе по писярику коньячку за то, что все удачно и без потерь обошлось. Мужик оказался подполом из городской комендатуры. Артиллерист на «передержке» после госпиталя. Ждет повторной медкомиссии. А пока как раз за патрульную службу в комендатуре отвечает.

Пора и поспать. Перетащил кровать в дальнюю комнату. Вместо промокшего матраса кинул полушубок. Сойдет. Потом спустился на улицу и затащил патрульных к себе в квартиру. Чего парням на холоде мерзнуть? Пусть на кухне сидят. Там и чайку горячего заварить можно. Сержант, старший поста-патруля, отнекиваться не стал. Приказали гене-

рала охранять, и какая разница — у подъезда или в квартире?

Завалился спать. Укладываясь на служебное ложе, хотел проанализировать произошедшее. Что это было? Кто и почему? Но не успел. Провалился в сон. Проснулся от того, что в комнату зашел сержант. Ага, время. Пора вставать. Мыльно-рыльные процедуры. Спасибо бойцам — водогрей в ванной растопили. Спасибо и за чаек свежезаваренный.

Пока я спал, оказывается, приезжал посыльный. В академию с утра поехать не получится. Скоро за мной пришлют машину из «Смерша». Надо удовлетворить любопытство сыскарей-оперативников. Ночью, естественно, я операм вкратце описывал, что и как. Но теперь надо будет все с чувством-расстановкой под протокол подтвердить.

В восемь пришла машина. Попрощался с патрульными, подхватил ранец с деньгами, и на выход. Едем на площадь Дзержинского. Не в ходу здесь старорежимный термин «Лубянка». Петляем по уже проснувшимся городским улицам, на глаза попадает вывеска — «Сберегательная касса». И вроде бы уже работает. Прошу водителя притормозить. А чего? Я ж не под конвоем. И не может сержант-водитель цельному генералу отказать. А мне надоело изображать из себя переносной сейф. Ранец на плечо — и бодрым шагом в сберкассе. Девчонка за стойкой несколько удивлена объемами вклада. Зовет заведующую. Та мобилизует на пересчет весь личный состав. Да... чего-то я не подумал о том, что здесь счетных машинок еще нет. Пересчет-оформление вклада затягивается минут на сорок. Нервничаящий водила даже пару раз заходил-торопил. Ну, наконец-то. Мешок денег обменян на тоненькую

сберегательную книжку с записью о количестве денег на моем счету. Поехали.

Площадь Дзержинского. Самое высокое здание в стране¹. КПП-проходная. Разовый пропуск и вежливая просьба сдать оружие. Коридоры-переходы. И все вверх. Не вниз, в подвалы-застенки. Небольшой кабинет. Замученно-уставший майор-следователь. И три часа вопросов-ответов. Что я делал вчера? Где был? Кто знал про полученные деньги? Кто знал адрес квартиры? Как я оказался у Капитановых? Зачем? Почему? К Герою представлен? Хорошо, поможем семье разобраться. У вас есть навыки выявления слежки? А почему вы решили, что за вами следят? Госномер машины? И еще сотня-другая вопросов. Хорошо, что на память пока не жалуясь. Удовлетворил профессиональный интерес следака. Могу быть свободным. Давайте пропуск отмечу.

— Подождите, товарищ майор. Раз уж я здесь, хотелось бы на прием к начальнику экономического управления попасть?

— ?

— Хочу в надежные руки пристроить свое состояние.

— Не знаю. Сейчас попробую узнать.

Несколько минут, пара звонков, и за мной приходит лейтенант — посыльный.

Опять коридоры-лестницы-переходы. Пытаюсь рассмотреть следы свежезамытой крови на стенах и полу. Не-а. Хорошие, старательные уборщицы в НКВД работают. Хорошие моющие средства со-

¹ Если кто не знал-забыл: из главного здания НКВД был виден Магадан.

ветская химическая промышленность производит. Не видно нигде кровавых соплей врагов народа. Ладно. Хорошо развлекаться, сейчас серьезный разговор про серьезное бабло будет.

Кабинет начальника Главного экономического управления НКВД СССР не поразил величием. Метров двадцать квадратных. Т-образный стол. И все стены заставлены шкапами-стеллажами. Папки-книги-справочники.

Начальник ГЭУ — молодой, едва за тридцать, генерал-лейтенант, ну то есть, по-здешнему, комиссар госбезопасности 3-го ранга Павел Мешик¹. Немного неудачный оказывается сегодня день для моего визита. С завтрашнего дня Павел Яковлевич переводится на новую должность в только что мною покинутый «Смерш», заместителем к его начальнику Абакумову. Ну, да ладно. Раз принял — озадачим.

— У вас какой вопрос, товарищ генерал-лейтенант?

— Понимаете, я вот тут вчера получил в финчести премии.

— Поздравляю...

— Много.

— Хвастаетесь? — улыбается одними глазами кровавый гебист.

— Нет, но сумма большая, очень. Чуть более полумиллиона.

— Ого. Что ж вы такого совершили?

— Да не в этом дело. У нас вон народ по стране деньгами скидывается на строительство танков-самолетов, вот я и подумал...

¹ Павел Яковлевич Мешик (23.12.1910 – 23.12.1953) — один из руководителей советских спецслужб, соратник Л. П. Берии. Арестован и расстрелян «хрущевцами».

— На танковый взвод почти хватит¹, — профессионально замечает Мешик. — Так это вам в Фонд обороны надо.

— Нет. Немного не так вы меня поняли.

Достаю из ранца папку и передаю Павлу Яковлевичу.

— На досуге нарисовал. Хочу оплатить опытно-конструкторские работы по созданию двух новых танков.

Вот так. Нарисовал я эскизный проект Т-44. Как помнил. В общем-то ничего сложного и неосуществимого. Глубокая модернизация нынешнего Т-34. Двигатель развернут поперек корпуса, за счет этого танк становится чуть короче, и появляется возможность для установки башни точно по центру корпуса, что скажется в лучшую сторону и на точности стрельбы с ходу, и на равномерности нагрузки на ходовую. За счет сдвигания башни назад появляется место в верхнем листе корпуса для люка механика-водителя. И нет необходимости этим люком ослаблять верхний лобовой лист корпуса. Большая башня вмещает трех членов экипажа и позволяет установить в нее пушку калибром от 76 мм до 107 мм. Естественно, командирская башенка и зенитный пулемет — куда ж без них? В ходовой вместо подвески Кристи — торсионы. Танк получается чуть шире «тридцатьчетверки», но короче и ниже. За счет этого при почти той же массе бронирование почти в полтора раза толще-круче. Классическая «сорокачетверка». От себя только добавил «стыренный» с ИС-3 «щучий нос» корпуса и профи-

¹ В 1941 году Т-34 стоил 269 тысяч рублей, стоимость в течение войны постоянно снижалась и к 1945 году достигла 135 тысяч рублей.